

А.А. Истомин

**О «КОЛОНИАЛЬНОМ ПОЛИТАРИЗМЕ»,
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ
«ФЕОДАЛИЗМЕ» И НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
ОТНОШЕНИЯ К
АБОРИГЕНАМ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ**

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена некоторым проблемам, которые рассматриваются в публикации А.В. Гринева «“Колониальный политаризм” в Новом Свете»¹, а именно оценке его идей «колониального политаризма» и «феодалной революции» как в общетеоретическом плане, так и в их приложении к реалиям Латинской Америки. Ограниченный объем журнальной статьи не позволяет мне в полной мере обратиться здесь же к тематике Русской Америки и типологии колонизационных процессов, представленных как в упомянутой выше публикации, так и в новой статье того же автора, которая публикуется в данном номере «Этнографического обозрения». Этой тематике я специально посвятил отдельные статьи, которые надеюсь опубликовать в последующих номерах журнала. Однако и здесь, в данной работе, я вынужден частично обратиться к материалу Русской Америки, чтобы не оставить без необходимого комментария критику А.В. Гринева, с которой он выступает в своей новой публикации в связи с поднятым мною вопросом о стремлении российской администрации избегать конфликтов с «алеутами» на определенном этапе развития российских колоний в Америке.

В статье о «колониальном политаризме» для А.В. Гринева отправным пунктом и основным источником материала по Испанской Америке стала книга петербургских авторов – Б.Н. Комиссарова, А.А. Петрова, О.В. Саламатовой, А.А. Ярыгина. «Три века колониальной Америки: О типологии феодализма в Западном полушарии» (СПб., 1992). Этот коллективный труд принадлежит к числу наиболее интересных работ по колониальной истории Америки, опубликованных в нашей стране. Общественный строй испанских колоний в Америке в этой книге определяется как «колониальный феодализм», однако ряд его конкретных характеристик, указанных авторами (верховная собственность испанского монарха на землю и аборигенов, а также некоторые другие), заставляет усомниться в правомерности подобной формулировки, а богатейший материал, собранный и проанализированный авторами, может быть использован для построения иных теоретических конструкций.

Эти данные А.В. Гринева дополнил сравнительным материалом по некоторым другим регионам колониальной Америки, не рассматривавшимся в книге, прежде всего по Русской Америке – именно в этой области он является специалистом. Кратко рассмотрев социально-экономические отношения в крупнейших колониальных владениях европейских держав в Америке, автор в ряде случаев приходит к выводу, что там имел место «колониальный политаризм» (Испанская Америка, Русская Америка). В Бразилии, однако, Гринева не находит политаризма, а в английских колониях политаризм, по его мнению, не получил значительного развития. Впрочем, «практически во всех европейских колониях Нового времени» автор отмечает «первородный» политаризм – провозглашение монарха верховным собственником всей земли колоний, однако дальнейшая реализация «этого... политаризма» зависела «от сочетания многих конкретных факторов»².

В качестве теоретического ключа к проблеме А.В. Гринева использовал концепцию Ю.И. Семенова о политаризме. Кратко напомним, что, по Ю.И. Семенову, политарный способ производства основан на общеклассовой верховной частной собственности, которая с неизбежностью принимает форму государственной, а класс эксплуататоров совпадает с государственным аппаратом. Это собственность прежде всего на личность

производителей, а уже затем на средства производства. Политаризм, по Ю.И. Семенову, характерен для обществ Востока («азиатский способ производства»), и для СССР, однако это две разновидности политаризма, одну из которых Ю.И. Семенов называет *агрополитаризмом*, а другую – *индустрополитаризмом*³.

Являясь результатом творческого развития марксизма, историко-социологическая теория Ю.И. Семенова сейчас, пожалуй, единственная в нашей стране (не считая в какой-то мере теории Л.Н. Гумилева) целостная система представлений о механизмах, формах и типах исторического развития человеческого общества с достаточно разработанным и четким понятийным аппаратом, что, учитывая свойственные России традиции интеллектуального поиска, дает ей шансы на широкое распространение в будущем. По крайней мере ряд элементов и методологических подходов теории Ю.И. Семенова, на мой взгляд, находит убедительное подтверждение на конкретном материале и позволяет решить ряд сложных теоретических проблем. Это, в частности, относится и к политаризму: обращение к семеновской концепции политаризма, на мой взгляд, совершенно правомерно. Однако необходимо помнить, что это лишь один из компонентов разработанной Ю.И. Семеновым типологии общественно-экономических укладов. Кроме того, следование методологии Ю.И. Семенова не освобождает нас от необходимости оговорок и дополнений.

Политаризм и политарные тенденции

Наряду с понятием *политаризм* необходимо использовать понятие *политарные тенденции*. Последние актуально или потенциально присутствуют везде, где существует или возникает государство и связанный с ним слой государственной бюрократии, обладающей собственной экономической базой.

Политарные тенденции, т.е. тенденции, ведущие в конечном счете к возникновению политарного способа производства и политарного общества, чаще всего реализовали себя полностью – отсюда отмечаемое Ю.И. Семеновым преобладание именно политарных среди классовых обществ в мировой истории. Там же, где человечеству удавалось прорывать «порочный круг» политаризма (политарная деспотия – распад, восстания, нашествия варваров – новая деспотия), на соответствующей формационной базе раз от разу возникали все более сильные социальные и политические «противовесы» и «тормоза», политарной тенденции. Однако и там, где политарное общество не сложилось, политарная тенденция присутствует *всегда* – постольку, поскольку вообще существует государство – институт, играющий совершенно особую и принципиальную роль в организации/конституировании классового общества. Заметим, кстати, что именно эта связь с государством как относительно универсальным общественным институтом определяет особое место политаризма во всемирной истории – его утверждение, по-видимому, наиболее вероятно при процессах классово- и политогенеза, и, кроме того, он возникает в той или иной разновидности почти на каждом последующем витке исторической спирали⁴.

В любом, даже самом либеральном государстве, некая обособленная группа людей имеет возможность от лица общества концентрировать экономические ресурсы (как минимум налоги) и в той или иной мере распоряжаться ими (даже будучи сама под сильным демократическим контролем), а само государство обладает – нет, не собственностью, а лишь неким элементом права собственности (элементами прав пользования и распоряжения) на индивидов, входящих в его юрисдикцию. Наиболее универсальными проявлениями этого элемента права собственности являются распоряжение индивидами на основе воинской повинности, а также прерогатива лишения индивида свободы и жизни по суду или во внесудебном порядке при угрозе обществу с его стороны, а кроме того – право выдачи/невывадачи граждан-преступников или репатриации не-граждан.

Все это совершенно естественно и органично для всякого государства, ибо речь идет о некоем изначально необходимом и основополагающем верховном праве

распоряжения личностью граждан/подданных в пределах юридической компетенции государства. Даже в неполитарных обществах, поскольку индивид является гражданином/подданным определенного государства, постольку это дает чиновнику право (в известных пределах) распоряжаться его личностью и отчуждать в пользу государства в виде налогов и других выплат хотя бы часть производимого им прибавочного продукта, перераспределение же этой части практически никогда не происходит при полном контроле граждан и всегда оставляет место для обогащения как бюрократии, так и других сегментов господствующего класса. Элемент же собственности на человека, заложенный в воинской повинности, в условиях войны дает возможность такого *владения* индивидом (фактически право на его жизнь и смерть в экстремальных ситуациях), которая намного превосходит аналогичную возможность, связанную с верховной собственностью феодала на личность крестьянина, ибо исполнение последним своих социальных функций обычно не предполагало высокого риска для жизни.

Представляется, что на этой-то объективно неизбежной и необходимой основе (но лишь в той мере, в какой исторически объективно и неизбежно возникновение и существование государства) при определенных социально-исторических предпосылках и вырастает политаризм. В странах классической западной демократии политарные тенденции присутствуют минимально (по сравнению с общемировым опытом), и вторая половина XX в. сопровождалась все большим развитием механизмов их блокировки (вплоть до отмены воинской повинности и смертной казни), однако они присутствуют, являясь излюбленным материалом для авторов произведений в жанре политической фантастики. В моменты кризисов и чрезвычайных ситуаций (прежде всего во время войны или в связи с ее подготовкой) эти тенденции усиливаются, а декларируемые права человека оказываются под реальной угрозой (классический пример – судьба японцев на Западе США, интернированных во время второй мировой войны, но можно найти и более поздние примеры). Еще раз подчеркнем, что война (прежде всего широкомасштабная) и подготовка к ней в наибольшей мере усиливает политарные тенденции и порождает угрозу дегенерации даже либерального политико-правового режима, как это показал опыт мировых войн XX в.

Колониальный политаризм и его испано-американская разновидность.

Социально-историческая природа энкомьенды и асьенды

Вернемся к нашему конкретному предмету обсуждения – колониальной Америке. На мой взгляд, характеристика социального строя Испанской Америки в XVI–XVII вв. как политаризма, а не феодализма, предложенная А.В. Гриневым, в целом верна, однако с определенными оговорками и значительными уточнениями. Характер испано-американского общества в его развитии был много сложнее, чем его рисует А.В. Гринев.

Это можно показать практически на том же материале, который избрал Гринев («Три века колониальной Америки»), дополняя его доступными оппоненту изданиями на русском языке и лишь в отдельных случаях, для уточнения некоторых вопросов, прибегая к менее доступной и известной специальной литературе.

В своей статье А.В. Гринев не дает прямого и четкого ответа на вопрос о происхождении «колониального» испано-американского политаризма. Читатель статьи из обмолвок ее автора должен догадываться – то ли это сохранение доиспанских общественных институтов в зоне «высоких» цивилизаций, то ли реализация интересов испанской короны по максимальной эксплуатации новых владений, то ли то и другое вместе.

Попробуем разобраться. Эволюция средневековой Западной Европы шла по пути, альтернативному классическому «восточному», но и здесь во многих странах были сильны политарные тенденции, особенно усилившиеся с упадком феодализма и формированием централизованных абсолютистских монархий (Ю.И. Семенов даже считает возможным выделять здесь особый политарный способ производства, уничтоженный

буржуазными революциями⁵). Сильная политарная тенденция, вопреки представлениям А.В. Гринева⁶, достаточно четко прослеживается в истории Англии, особенно после норманнского завоевания (мощный королевский домен, чаще прямая, а не ступенчатая вассальная зависимость) и в эпоху ранних Стюартов, реакцией на что явилось сначала сопротивление феодалов (Великая хартия вольностей, которой добились от короля английские бароны), а впоследствии – революции XVII в., что привело к блокировке политарной альтернативы.

Специфический для Западной Европы вариант представляла Испания, пережившая арабское завоевание (вместе с рядом последующих «варварских» мусульманских нашествий из Северной Африки) и Реконкисту. В социальном развитии Испании уживались противоречивые начала. С одной стороны, сложившийся в условиях Реконкисты добуржуазный испанский индивидуализм и антиполитаризм⁷, с другой – «восточно-деспотические» черты в потенциале развития испанской монархии, что еще давно было отмечено К. Марксом, который писал, что «абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще, должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления»⁸.

И то, и другое начало (отметим их цивилизационный, а не формационный характер) были представлены и в Испанской Америке, что вкупе с индейским социальным наследием определило борьбу (временами довольно жесткую) политарной и доминантно-магнатной (принимаемой подавляющим большинством отечественных исследователей за феодальную) альтернатив в общественном развитии испанских колоний. Следует подчеркнуть, что мы имеем дело с динамичным, находящимся в развитии, гетерогенным и во многом переходным обществом, где не какая-то определенная формация «тяжелой поступью» неумолимо сменяет другую, а идет борьба различных альтернатив развития, представленных различными укладами, причем само это общество находится в орбите и под более или менее сильным влиянием формирующейся системы мирового хозяйства с ее капиталистическими «источником энергии» и перспективой. Эту сложность и неоднородность объекта исследования А.В. Гринева, к сожалению, игнорирует.

В социально-экономическом развитии Испанской Америки четко прослеживаются несколько этапов. Первый этап (конец XV – примерно первая половина XVI в.) – становление испанской колониальной империи, отличается особенно напряженной борьбой альтернатив: формируется новый социальный мир, и силы, участвующие в его формировании, стремятся отстоять свой вариант его устройства, отвечающий их интересам.

Реально существовали два варианта развития. Один представляла корона и королевская бюрократия (в той мере, в какой последняя следовала королевским предписаниям и в какой ее представители отстаивали интересы короны, а не свои собственные). Эта альтернатива была политарной: испанская монархия стремилась закрепить свое исключительное право верховной частной собственности на землю и аборигенов колоний, обеспечивавшее получение ею значительной части колониальных доходов. Индейцы становились неполноправными подданными короны, находящимися от нее в личной зависимости, но в то же время под ее покровительством и защитой.

Однако свои интересы были и у носителей добуржуазного индивидуализма – испанцев, непосредственно завоевывавших и осваивавших Новый Свет – конкистадоров, более поздних колонистов, отдельных чиновников. Они, как это прекрасно показано в книге «Три века...», фактически выступили конкурентами короны в борьбе за права на землю и индейцев. В соответствии с феодальной шкалой ценностей, испанцы в Америке (точнее, их наиболее активная часть) предпочитали не обрабатывать землю самим (за исключением лишь Центральной Коста-Рики⁹), а стремились стать крупными собственниками земли, обрабатываемой зависимым населением. Игнорировать эти интересы корона не могла, ибо испанский колониализм не был в состоянии опираться главным образом на политарно-бюрократические инструменты (армия, контролируе-

мый аппарат чиновников) в отличие от, например, государства инков на той же территории, а широко, иногда и преимущественно, использовал санкционированную государством инициативу отдельных лиц, групп, а позднее также церкви и монашеских орденов.

Восстания испанцев в колониях в конце XV–XVI вв. диктовали необходимость компромисса. Таким компромиссом (правда, временным) стал институт энкомьенды (с 1503 г.), название и отчасти форма которого были заимствованы из феодальной Кастилии, а содержание определялось борьбой двух названных тенденций и варьировало по регионам.

Следует учесть одну принципиальную особенность испанского колониализма, синтезированную в поговорке «Obedezco, pero no cumplo» («Повинуюсь, но не выполняю»), ставшей своеобразным административным девизом Испанской Америки. Во всех заморских колониях европейских стран мог быть определенный разрыв между предписаниями правительства и реальностью, но в Испанской Америке он был особенно силен. Королевские указы и законы здесь могли оспариваться или просто не выполняться. В результате этого, в частности, как справедливо отмечают авторы «Трех веков...», юридическое и фактическое содержание энкомьенды не совпадали.

Но и в своем юридическом выражении энкомьенда – достаточно сложный институт. Она имеет ряд феодальных черт (авторы «Трех веков...» именуют ее феодем, хотя и не обладающим чертами классического феода). Как и в Испании эпохи Реконкисты, это – ленное пожалование в награду за осуществленное завоевание, пожалование, сопряженное с военными и религиозными функциями. В частности, энкомьендеро был обязан с оружием защищать свою территорию и ее население: неслучайно энкомьенда, переживая в XVI в. упадок в уже прочно завоеванных районах, получала «второе дыхание» там, «где корона нуждалась в испанцах-воинах», особенно на только что завоеванных землях¹⁰. Кстати, видимо, именно этот феодальный компонент социальной природы энкомьенды и стал одной из причин отмеченного в книге факта, что обладание энкомьендой или даже одно только наличие энкомьендеро среди предков стало признаком знатности у креольской элиты.

Итак, с одной стороны, энкомьенда формально не может рассматриваться как институт классического политарного общества: ее держатели либо не входят в состав госаппарата, либо владеют энкомьендой вне связи с вхождением в госаппарат (характерно, что политарные по своей тенденции Новые законы 1542 г. предполагали изъятие энкомьенд у чиновников, ими завладевших¹¹). Но, с другой стороны, и феодем, даже неклассическим, ее назвать нельзя: отсутствует верховная собственность энкомьендеро на землю и крестьян-индейцев – последние остаются «вассалами» короля; энкомьендеро не обладает правами иммунитета. Это держание формально ненаследственное. Энкомьенды перераспределяются. В энкомьенду жалуются только индейцы: пожалование земли и людей обособлены друг от друга. Даже в одном из немногих исключений, когда Э. Кортесу, ставшему маркизом дель Валье де Оахака («маркизом Долины Оахаки»), индейцы были в 1529 г. пожалованы в наследственное и постоянное владение вместе с землей¹², правами на личность индейцев завоеватель Мексики не был наделен. Энкомьендеро получал часть собранной им с индейцев подати (*трибута*) и использовал их труд. Но право верховной собственности на земли и индейцев оставалось у короны. Формально, по ордонансам Кортеса, труд индейцев даже должен оплачиваться: ведь они «свободные» люди. Более того, энкомьенда – это не только частное держание, в рамках системы энкомьенды значительная часть индейцев при распределении попадает непосредственно в распоряжение государства, в так называемые королевские *коррехимьенто* (округа во главе с *коррехидорами*).

Но, как отмечалось выше, законы и реальность могли не совпадать. В реальности энкомьендеро стремились стать полновластными феодалами. Своими «Ордонансами» (1524 г.) Э. Кортес пытался превратить энкомьенду в Мексике из ненаследственного владения в наследственное. Хотя права на приобретение земли энкомьенда не давала,

землю можно был получить за невыплаченный оброк. Не давала энкомьенда и права на административно-судебную власть, но на практике энкомьендеро ею обладали. Индейцы платили оброк и выполняли барщину (натуральная и отработочная рента). Сохранились община и местная знать – *касики*, но общинные земли становились объектом отчуждения для создания энкомьендеро своих поместий – *эстансий*¹³.

Всего этого, однако, недостаточно, чтобы признать за энкомьендой феодальный характер. Здесь необходимо согласиться с Ю.И. Семеновым, разделяющим как собственно феодальный способ производства (*феодоманорный*, по его терминологии), так и иные, где также может присутствовать крупное землевладение или зависимость крестьянская община. Феодальный (феодоманорный) способ производства присутствует там, где вотчина-манор с верховно-зависимыми крестьянами входит в иерархически организованную систему отношений высшей собственности, известную каждому школьнику под названием феодальной лестницы. Господствовавший здесь тип собственности Ю.И. Семенов назвал «персонально-корпоративной», или «персонально-классовой», собственностью. Территориально этот способ производства ограничен Западной Европой, хронологически – IX–XIII вв.¹⁴

Мнение, что настоящий феодализм существовал только в Западной Европе примерно в указанный период, далеко не ново, но у Семенова оно связано с проблемой преемственности и последовательности формаций: феодоманорный способ производства – формационный (в отличие от сходных с ним иных, именуемых им в другой работе «квазифеодальными»¹⁵). Он лежит в основе феодальной формации, передающей эстафету развития капитализму («унитарно-эстафетно-стадиальный» подход, по Ю.И. Семенову). Прочие же, сосуществующие с феодоманорным во времени уклады в этом отношении бесплодны: в обществах, где они господствуют, не могут возникнуть условия для спонтанного развития капитализма; в эти страны капитализм привносится извне¹⁶.

Ю.И. Семенов в своих работах, как правило, лаконичен. В них я не нашел ответа на вопрос, почему же только через феодоманорный способ производства проходит «столбовая дорога» социального прогресса? На мой взгляд, здесь, в частности, очень важен признак, отделяющий эту «феодоманорную» (собственно феодальную) формацию от других типов общества: феодальная лестница, вассально-сюзеренные отношения с характерным институтом иммунитета и ограничением прав высшего феодала только ближайшей «ступенькой» (знаменитая формула «вассал моего вассала – не мой вассал»). Этот тип организации господствующего класса может казаться чем-то второстепенным и производным, но на самом деле он принципиален для настоящего феодализма, ибо обеспечивает ту свободу для отдельных элементов его структуры, которая позволяет развиваться в его недрах новым социальным отношениям. Феодализм – и это его отличительная черта – так сказать, «концессионен»: он построен на уступке-делегировании (как правило, персонально и на основе формализованных представлений о правах и обязанностях) полномочий собственности и власти от более высоких к более низким звеньям территориально-государственной структуры в обмен на лояльность и вооруженную поддержку. Именно это его принципиальное качество создало возможность такого уникального феномена, как «коммунальная революция» в средневековье: возникавшие города-коммуны после некоторой борьбы относительно просто смогли вписаться в систему отношений, построенных на «концессионности» (сюзерен делегирует четко формализованные права вассалу). Между тем, как известно, именно средневековые города становились колыбелью капиталистических отношений.

Кроме Западной Европы тенденции общественного развития, которые, вероятно, могут быть определены как феодальные, мы встречаем только в средневековой Японии, где возникают институт иммунитета и несложные вассально-ленные отношения землевладельцев, хотя не вполне ясно, был ли преобладавший в поместьях XI–XV вв. способ производства феодальным (феодоманорным) или магнатным. Но, по-видимому, по крайней мере можно говорить о некоторых аналогичных феодальным тенденциях,

которые повлияли на специфику социально-исторического развития Японии, в какой-то степени сдерживая или смягчая развитие политарных отношений.

Вернемся в Испанскую Америку. Верховная собственность короля на личность индейцев и земли колоний – это не высшая собственность монарха, возглавляющего феодальную лестницу, на феодалов своих вассалов. Как справедливо отмечали авторы «Трех веков...», правило «вассал моего вассала – не мой вассал» здесь не действует. Независимо от желания энкомендеро ему не дано стать настоящим феодалом западноевропейского образца. Он в известном смысле всего лишь агент политарной системы, связующее звено между колониальной администрацией и индейцами, причем не единственное: рядом существует «политарный сектор» экономики (коррехимьенто).

Можно ли при этих данных считать, что общество, основанное на системе энкомьенды, являлось политарным, как это однозначно утверждает А.В. Гринев, отвергая вывод петербургских авторов о «колониальном феодализме»? (Хотя тремя строчками ниже в связи с энкомьендой он все же употребляет этот термин в кавычках)¹⁷. Полагаю, что можно, но с определенными оговорками.

Энкомьенда – не феодальный, но и не чисто политарный институт. Правильнее было бы определить энкомьенду как незавершенный продукт недифференцированной феодально-доминантномагнатной тенденции, явившийся компромиссом с более мощной политарной тенденцией и ставший своеобразным «неклассическим» элементом политарной системы. Энкомьенда близка к условным земельным держаниям в политарных обществах Евразии (включая и Россию с ее поместной системой XVI–XVII вв.), хотя и не тождественна им. Энкомендеро – член господствующего класса, но формально не входит в госаппарат (точнее, не обязан в него входить; он участвует в органах самоуправления – *кабильдо*, кроме того, недостаточная доходность энкомьенды заставляет его искать должность с дополнительным твердым доходом, но это уже вторично), хотя и «подстраховывает» государство в отношениях с покоренным населением, выполняя административно-контрольные, фискальные и (по крайней мере формально) религиозные функции.

Полуфеодально-политарный институт энкомьенды по своему происхождению в очень большей степени детерминирован соотношением и исходом борьбы двух отмеченных выше тенденций в ситуации только что случившегося или еще продолжающегося завоевания. Он отражает незрелость и переходность колониального общества первой половины XVI в. Завершение этой борьбы, которое исследователи не без основания относят к поражению восстания Писарро (казнен в 1548 г.), кладет конец попыткам утвердить в колониях «феодальное структурирование общества»¹⁸.

Укрепление позиций испанской монархии в Новом Свете вскоре позволило ей обходиться без энкомьенды, которой обладала лишь часть испанцев и которая в ряде случаев вводилась конкистадорами самочинно (как, например, в Мексике Э. Кортесом, причем вопреки запрету короля¹⁹). С 1530-х годов начинается закат энкомьенды, а затем – с середины XVI в. и ее упадок. Она сильно ограничена королевским законодательством; удельный вес проживающего в энкомьендах индейского населения на протяжении XVI в. падает, тогда как доля индейцев королевских коррехимьенто, напротив, растет; наконец, энкомьенда теряет и свои фискальные функции. Живучесть же института энкомьенды (даже после формальной его отмены) на протяжении всей колониальной эпохи, как показали авторы «Трех веков...», имела ограниченный и региональный характер, будучи в значительной мере обусловлена статусным значением этого института.

Становление политаризма в колониальном обществе Испанской Америки затягивается до середины XVI в. Только на втором этапе в развитии Испанской Америки (примерно вторая половина XVI – первая половина XVII вв.) мы встречаем зрелое политарное общество. Победе политарных отношений способствовали стабилизация обстановки на завоеванных землях, укрепление позиций королевской администрации, а также как материальная, так и ментальная зависимость колонистов от «тыла» – метрополии наряду с потребностью сохранять основу традиционной системы экс-

плуатации индейцев как наиболее эффективную в плане социально-политического контроля над аборигенами²⁰. Свою роль сыграло и то, что после подавления восстания «комунерос» (1522 г.) политарные тенденции резко возрастают в самой Испании, достигнув, по-видимому, апогея при Филиппе II (1556–1598). Именно в основном на его правление приходится политарные реформы в испанских колониях.

Нет сомнений, что на большей части территории Испанской Америки в это время мы встречаем именно политаризм как господствующий общественный строй, причем как минимум в двух разновидностях: «классической», с репартиментом, и «миссионерской» (политарная собственность, делегированная католическим миссиям). Основная часть территории испано-американского политаризма приходится на ареал земледельческих цивилизаций Анд и Мезоамерики, однако объектом политарной эксплуатации (в «миссионерской» разновидности) в XVII–XVIII вв. становятся и довольно значительные территории вне этого ареала, население которых не имело ранее опыта политарных отношений, а в некоторых регионах (Калифорния) – вообще не знало земледелия. Несмотря на определенную преемственность (в формах эксплуатации), у испано-американского политаризма было несколько признаков, принципиально отличавших его от традиционного агрополитаризма, образец которого мы встречаем на этой же территории столетием раньше – в государстве инков Тауантинсуйу.

Здесь нужно отметить, что определения понятия «колониальный политаризм» как специфического явления А.В. Гринев не дал, ограничившись общей характеристикой политаризма (по Ю.И. Семенову). Судя по упоминанию «политарного способа производства в "колониальной упаковке"»²¹, А.В. Гринев не видит сколько-нибудь глубокой формационной специфики «колониального политаризма». В своей последней, публикуемой в данном номере статье он вообще не затрагивает этот вопрос.

Что касается самого понятия «колониальный политаризм», то оно имеет право на существование уже в силу того, что, как показывает анализ практически всех колониальных обществ Нового времени (от XVI в. до начала XX в.), в их развитии всегда присутствуют более или менее сильные политарные тенденции – обычно гораздо более сильные, чем в развитии метрополии. Колонизация, как правило, связана с завоеванием, а последнее всегда предопределяет усиление политарных тенденций из-за необходимости либо удерживать под контролем покоренное население, либо вытеснять его (что в обоих случаях диктует особую роль государства и государственного насилия), а также потребности колонизаторов в поддержке государства-метрополии, даже если оно не осуществляет колонизацию своими силами. Наконец, политарные формы эксплуатации наиболее просты, что делает их предпочтительными. Этот «политаризм завоевания», как его можно было бы назвать, и есть тот настоящий «первородный политаризм», название, которым А.В. Гринев обозначил лишь один из моментов этого явления – провозглашение верховной власти государства на земли колоний – что является, на мой взгляд, несколько ограниченным подходом. Оговоримся, что речь идет о политарных тенденциях, но не обязательно о возникновении политарного общества. Сами эти тенденции в колониях далеко не всегда детерминированы политаризмом в метрополии. Так, политарные тенденции и явления, аналогичные политарным явлениям Испанской или Русской Америки, можно обнаружить и в колониях неполитарных буржуазных стран, таких как Британия, Франция, Голландия, колониальная экспансия которых становилась источником политарных тенденций.

Пример Нидерландов особенно показателен. Страна, в которой произошла революция, имевшая помимо прочего антиполитарный характер, страна, которая стала первенцем буржуазной Европы, продемонстрировала в своих колониях образцы политаризма в самой грубой форме, примером чего служит Голландская Ост-Индия (современная Индонезия)²².

Общая специфика «колониального политаризма» очевидна и заключается в том, что он имеет внешнее происхождение, является инструментом перекачки ресурсов колонии в метрополию, связан с формированием мирового капиталистического хозяйства и процессами первоначального накопления. Отсюда его хищнический характер, не

позволяющий обеспечить воспроизводство рабочей силы и защиту опорных микросоциальных структур (прежде всего общин).

Однако более существенно то, что господствующий класс при колониальном политаризме только частично совпадает территориально-географически с классом эксплуатируемым, образуя с ним единое общество – то, что Ю.И. Семенов называет «общественным организмом» (термин, на мой взгляд, не вполне удачный, но порой труднозаменимый). Значительная часть господствующего класса находится далеко за пределами колонии, в метрополии, получая зачастую наибольшую часть извлекаемого при колониально-политарной эксплуатации прибавочного продукта. Совпадение этого класса с госаппаратом не является полным как в метрополии (социальное развитие которой может отличаться от развития колонии – в смысле отсутствия политаризма), так и в колонии, где плодами политарной эксплуатации могут пользоваться формально не принадлежащие к колониальной администрации слои населения.

А.В. Гринев полагает, что существование в Испанской Америке двух параллельных социальных миров – испанского и индейского – есть яркое проявление особенности политарных обществ: «противопоставление всего класса эксплуататоров (представленных в данном случае испанцами) всему классу эксплуатируемых (в этом случае индейцам)», считая это «еще одним доказательством того, что в Испанской Америке существовал колониальный политаризм»²³.

Подобный вывод уязвим для критики. По Ю.И. Семенову, для агрополитаризма характерно существование в обществе двух основных групп людей, одна из которых безвозмездно присваивает труд другой – мелких производителей-земледельцев, и людей, входящих в состав госаппарата²⁴. Между тем, во-первых, в состав колониальной администрации входила лишь часть испанцев; во-вторых, класс эксплуататоров-политаристов в Испанской Америке не совпадал с социальным миром испанцев (так называемая республика испанцев), а класс эксплуатируемых – с так называемой республикой индейцев.

Так, верхушка индейского социального мира – индейская знать (*кураки*, *касики*) принадлежала к классу эксплуататоров и, пожалуй, в большей степени, чем значительная часть креолов, могла быть отнесена к государственному аппарату политарного общества (с которым при политаризме совпадает господствующий класс) как одно из его нижних звеньев, соединяющих испанскую администрацию с общиной. Эти «индейцы с привилегиями испанских кабальеро»²⁵, к имени которых добавлялась приставка «дон», были свободны от уплаты трибуто, порой получали пенсии от государства (например, потомки ацтекских и инкских правителей), имели право эксплуатировать труд индейцев, владеть наследственными участками земли, носить холодное оружие и ездить верхом, обладали рядом других привилегий²⁶. При этом, как показывал С.Я. Серов на материале Перу, несмотря на то что *кураки* были объектом направленной политики аккультурации, интеграция *курак* в «*respublica de españoles*» не была целью властей²⁷.

Участвовали в политарной эксплуатации аборигенов и менее привилегированные индейцы, составлявшие аппарат должностных лиц и исполнителей, обеспечивавших поставку индейской рабочей силы в распоряжение испанских властей и получавших за это вознаграждение (например, в Мексике альгюасил за каждого восемь индейцев, доставленных к месту работы, получал 1 реал серебром). В крупных индейских селениях Мексики численность этого аппарата доходила до двух десятков человек, его представители брали взятки у односельчан²⁸.

Напротив, отнесение к классу эксплуататоров малообеспеченных слоев креолов и испанцев, не входивших в состав административного аппарата, проблематично, даже если принять во внимание, что они порой получали возможность эксплуатировать труд одного или нескольких индейцев, которых им выделяли при централизованном распределении индейской рабочей силы (чаще всего в порядке социального обеспечения). Креольское население не платило подушную подать – трибуто, но оно платило разнообразные налоги, пошлины и иные платежи. И если часть этих выплат носила

характер перераспределения изъятых прибавочного продукта, то в других случаях перед нами обычные для политаризма фискальные формы эксплуатации, включая также монопольную торговлю рядом товаров (здесь мы имеем определенные аналогии с Русской Америкой, еще не отмеченные исследователями). Значительная часть эксплуататоров-политаристов (причем ее верхушечная часть) вообще находилась вне колоний, в Испании, и не принадлежала к «республике испанцев». Наконец, вне двух «республик» находились сложно стратифицированные лица смешанной крови, прежде всего метисы, численность которых быстро росла и которые в XVIII в. были широко представлены в составе среднего класса колоний.

Тем не менее существование двух обособленных социальных миров в колониях было связано с политаризмом, но далеко не в том смысле, как это излишне прямолинейно понимает Гринев. Во-первых, это было административное обособление: каждая «республика» имела свою систему управления, и отделение мира индейцев от мира испанцев со стороны короны носило в значительной мере протекционистский характер по отношению к индейцам; именно этот протекционизм, направленный на сохранение массива крестьян-общинников, имел политарную основу. Другое дело, что он оказался неэффективен, а индейцы становились жертвами начальства (коррехидоров) и набиравших силу крупных землевладельцев.

Во-вторых, противопоставление двух «республик» было формой культурно-расовой сегрегации – отчасти условной (учитывая аккультурацию индейской знати). Оно было связано с явлением, которое я назвал выше «политаризмом завоевания», – востребованностью политарных отношений при завоевании одной этнической или цивилизационной общности представителями другой. Противопоставлением завоеватели отделялись от завоеванных, за первыми знаково закреплялись доминирующие позиции (обособленность их укрепляла) и более высокий статус. Этот статус, однако, также не носил безусловного характера, так как внутри каждой из «республик» существовала своя социальная иерархия, и ее верхние ступеньки в подчиненной общности индейцев могли быть выше низших ступенек в общности доминирующей.

Существенным было формальное административное обособление основного (но не единственного) объекта политарной эксплуатации от общности, служившей основной (но также не единственной) социальной опорой испанского колониализма. Но их противопоставление в форме двух «республик» лишь в самых общих чертах отражало классовое деление политарного общества, так как в данном случае противопоставление податного населения населению, свободному от подати и обладающему правом на эксплуатацию первого, как мы видели выше, было в значительной мере условным. В дуализме социально-административной структуры «индейских» регионов Испанской Америки действительно нашло отражение классовое противопоставление, но, оставаясь без внимания специфику классовой структуры при колониальном политаризме, мы не поймем всю неоднозначность и условность этого отражения.

Еще одна специфическая черта политарных отношений в Испанской Америке: корона – и на раннем этапе, и в период расцвета колониального политаризма – частично действует не через госаппарат, а через своего рода «уполномоченных агентов», «арендаторов» или «субподрядчиков политаризма» – энкомендеро, шахтовладельцев, владельцев заводов по очистке драгоценных металлов, владельцев *обрахе* (мастерских), миссионеров и т.д. Они возмещают полученное от короны право на эксплуатацию индейцев долей отчужденного посредством политарной эксплуатации прибавочного продукта, которая идет в казну (часть трибуто, королевская «пятина» – *quinta*, пошлины, различные выплаты). Другими словами, здесь в определенной мере не действует выделенное Ю.И. Семеновым правило, согласно которому прибавочный продукт при политаризме идет сначала государству, а затем уже распределяется между государственными служащими. Аналогичная или по крайней мере достаточно сходная ситуация наблюдалась и в голландской Ост-Индии (до XIX в.), и в Русской Америке, где основная часть доходов от эксплуатации колоний обращалась в ди-

виденды монополистических компаний (посредством которых, а также взятки, деньги поступали к части верхушки госаппарата) и в доходы высших служащих этих компаний. Суть политарных отношений при этом не менялась: просто политарх делегировал некоторую часть своих прав субъектам организации хозяйственной деятельности в колониях.

«Колониальный политаризм» всегда неустойчив, гораздо более преходящ, чем политаризм Востока, самовоспроизводящийся после очередного краха очередной деспотии. Дело в том, что он является не строем, органически возникшим в результате самостоятельного развития существовавшего здесь общества, а привнесенной системой, которая широко использует доколониальные политарные традиции и институты местного населения, но сама же быстро разрушает свою социальную основу – как путем хищнической эксплуатации туземцев, так и развитием на местной почве новых социальных отношений, которые в деформированном виде отражают общемировую тенденцию развития и/или социальную эволюцию собственно метрополии и которые связаны с индивидуалистическими интересами колонистов и их потомков, несовместимыми с политарным строем. Подобная картина *mutatis mutandis* прослеживается от Мексики и Перу до Индонезии и Африки.

Формационная природа тех обществ, которые возникают здесь, на колониальной периферии формирующейся мировой капиталистической системы, может быть адекватно понята только в контексте этой системы, «поле» которой оказывает на них постоянное влияние. Собственно с этим и связана концепция *параформаций* Ю.И. Семенова, согласно которому параформации – это типы общества, которые представляют собой «своеобразное дополнение к общественно-экономическим формациям», но «не представляют собой стадий развития человеческого общества в целом. Если они и оказываются стадиями развития, то лишь тех или иных отдельных обществ»²⁹. Такой параформацией, очевидно, можно считать испано-американскую разновидность *колониального меркантильного агрополитаризма* (от исп. *mercantil* – «товарный»). Именно так можно назвать политаризм, который, с одной стороны, базируется на аграрной экономике и общинных институтах, с другой – порожден необходимостью получения не только и не столько продуктов внутреннего потребления, сколько особых продуктов, чье производство носит товарный характер, ориентировано на мировой рынок (золото, серебро, индиго и пр. или, например, в других регионах мира – в Русской Америке, в Голландской Ост-Индии – пушина или пряности). Этот уклад возник на базе палеополитарного способа производства (по новой терминологии Ю.И. Семенова³⁰) и, подобно ему, существовал как в классическом (ранее названном Ю.И. Семеновым политарно-общинным), так и в политарно-доминантном (янаконаж, миссионерские индейцы, в какой-то мере мита) вариантах. Он охватывал только часть территории Испанской Америки (хотя и наиболее значительную).

Неустойчивость «колониального политаризма» Испанской Америки демонстрирует его постепенное отступление (XVII–XVIII вв.) под натиском новой социально-экономической системы, основанной на асьенде (крупное земельное владение). Полемизируя с авторами «Трех веков колониальной Америки», А.В. Гринев считает, что «становление подлинно феодальных отношений» происходит только с середины XVII в. – с развитием крупного землевладения (асьенда) и начинающимся упадком колониального политаризма. Асьендная система и политаризм действительно находились в определенном противоречии как принципиально разные типы собственности (хотя асьенда и развилась именно в условиях колониального политаризма), а элементы феодального (по происхождению) менталитета были одним из факторов формирования асьендной системы, но сама эта система стала основой не феодального, как ошибочно полагает Гринев, а иного общества.

Латиноамериканская асьенда – это крупное, но не феодальное землевладение. Вначале неформально, а позднее и по закону, асьенда представляла и представляет до сих пор полную индивидуальную частную собственность, что четко отделяет ее от собственности феодальной – персонально-корпоративной и расчепленной на верхов-

ную и подчиненную собственность. Это, по определению Ю.И. Семенова (личное сообщение, 1999 г.), с которым я полностью согласен, не феодальный, а магнатный (магнатный) способ производства.

Магнатный способ производства был описан Ю.И. Семеновым еще в 1985 г. в хорошо известной А.В. Гриневу статье «Типология ранних форм эксплуатации», на которую он дважды ссылается в своей первой статье, не замечая при этом, что один из рассмотренных Ю.И. Семеновым древних способов производства и эксплуатации имеет прямое отношение к латиноамериканской асьенде. Напомним, что магнатный способ производства, возникший на заре классового общества, предполагает полную собственность эксплуататора на землю и передачу ее в обособленное пользование работника, который более или менее самостоятельно ведет хозяйство при помощи частично собственных, частично (иногда и полностью) полученных от собственника земли средств труда, отдавая ему часть урожая. Этим работником мог быть посаженный на землю раб, свободный, но лишенный собственных средств производства арендатор, которого аренда ставит в личную зависимость, и, наконец, кабальник.

Более того, в указанной статье Ю.И. Семенов четко показал, чем феодализм отличается от магнатизма: «Несмотря на наличие определенных черт сходства между магнатным и феодальными способами производства, они существенно отличаются друг от друга. Для феодализма характерно существование разделенной собственности на землю и личности производителя материальных благ. Феодал являлся не полным, а только верховным собственником земли, а феодально-зависимые производители являлись подчиненными собственниками земли, которой они пользуются, что отличает их от магнатно-зависимых работников, которые никаких прав на землю, которой пользуются, не имеют. При магнатизме хозяйство магната является основой хозяйства магнатно-зависимых работников... При феодализме, наоборот, хозяйство феодально-зависимого работника является основой хозяйства феодала»³¹.

Все это А.В. Гринева оставил без внимания. В результате получился гибрид или, точнее, химера из созданной Ю.И. Семеновым оригинальной концепции политаризма и общих представлений о феодализме, господствующих ныне в нашей высшей школе. Между тем выделение и теоретическая разработка – по сути открытие Ю.И. Семеновым магнатизма и доминатизма, на мой взгляд, не менее важны, чем создание концепции политарного способа производства.

Ю.И. Семенов также отметил, что один и тот же человек мог быть одновременно и магнатом, и доминатом, на него работали как магнатно-, так и доминатно-зависимые работники. (Напомним, что, по Семенову, для доминатного способа производства характерно то, что работник трудится в чужом хозяйстве, под контролем хозяина, и не обладает никакой собственностью.) Магнатные и доминатные отношения могли тесно переплетаться, образуя единый общественно-экономический уклад – доминатно-магнатный³². Именно такое переплетение мы очень часто встречаем в латиноамериканской асьенде позднего и постколониального периодов.

«Феодальная революция»?

Следующий вывод, который делает Гринева в своих построениях, весьма важен: вопреки мнению, господствующему среди отечественных латиноамериканистов, о «незавершенной буржуазной революции»³³, он считает, что во время Войны за независимость «почти во всех странах Латинской Америки имела место феодальная революция, обеспечившая окончательный переход от колониального политаризма к постколониальному феодализму», причем «гегемоном» в ней выступали крупные землевладельцы-креолы³⁴.

Изложенные выше соображения о социально-исторической природе латиноамериканской асьенды позволяют читателю понять, почему процитированный вывод представляется мне принципиально неверным. Необходимо вообще отметить, что Война за независимость – весьма сложное социальное явление; такое же сложное, как и пост-

колониальное развитие Латинской Америки. В определенной мере справедливо только внимание, которое Гринев придает интересам, роли и судьбе асьендной системы в той трансформации, которую претерпела Латинская Америка в первой трети XIX в.

В Войне за независимость участвовали выходцы из среды землевладельцев. Однако неправильно представлять крупных землевладельцев «гегемоном революции», как это делает Гринев. Социальный состав лидеров и массовых участников движения за независимость был сложным – от землевладельцев, коммерсантов и военных до представителей сельских и городских низов. С точки зрения идеологии и социальных интересов, в этом движении присутствовало сильное буржуазно-либеральное течение, порой с радикальными буржуазно-демократическим уклоном. Интересы различных течений в этой революции нередко вступали в конфликт.

Напомним также, что интересы крупных землевладельцев не были однородны: среди последних могли быть владельцы рабовладельческих плантаций Венесуэлы или перуанской Косты, а также скотоводческих эстансий Ла-Платы, тесно связанных с мировым рынком, и асьенд-латифундий андских нагорий, в значительной степени основанных на самообеспечивающей экономике и магнатной (или доминантно-магнатной) эксплуатации. И если некоторые районы стали очагами движения – та же Венесуэла или Ла-Плата, то в другие (Перу, Боливия) независимость была принесена буквально на штыках.

Многие землевладельцы, связанные с мировым рынком, часто одновременно являлись коммерсантами и не были равнодушны к буржуазно-либеральным требованиям. Отпечаток на принимаемые декреты накладывали не только они, но и выходцы из средних слоев, да и широкие массы, мнение которых приходилось учитывать хотя бы потому, что именно они были солдатами этой войны.

Реальные результаты Войны за независимость как социальной революции неоднозначны и варьируют по странам и регионам. Война за независимость положила конец «колониальному политаризму» в испанских колониях. Ликвидация колониальной зависимости от Испании, провозглашение свободы торговли, создание республик, внедрение ряда принципиальных элементов буржуазного права, включая ряд гражданских свобод и право полной буржуазной собственности на землю и другие средства производства, – все это было выражением буржуазных тенденций развития и более тесной интеграции бывшей Испанской Америки в мировую хозяйственную систему. В ряде стран сложились определенные возможности для формирования капиталистического уклада. Однако при этом, как известно, в большинстве районов сохранилось господство крупного землевладения.

Это был не феодализм, как считают Гринев и многие другие исследователи, и даже не пережитки феодализма. За исключением отдельных районов, где постепенно получал распространение свободный наемный труд, на большей части бывшей зоны «колониального политаризма» теперь господствовали магнатные и доминантно-магнатные отношения, составлявшие основу и суть асьендной системы. Последняя действительно только окрепла в результате войны и обрела необходимую ей политико-юридическую надстройку. Латифундисты окончательно стали юридически полноправными собственниками своих земель (округляя их за счет индейских общин), получили свободу контактов с мировым рынком (хотя заинтересованы в этом были далеко не в одинаковой степени) и, наконец, как справедливо отмечает А.В. Гринев, овладели политической властью.

Здесь возникает вопрос о соответствии политико-юридических институтов новых государств и господствующего социально-экономического уклада. Как совмещались провозглашенные гражданские свободы, республиканские институты, конституционность с магнатным укладом, широко использующим внеэкономические методы принуждения? Является ли такое общество гетерогенным или все эти свободы и институты были лишь исторически «модным» камуфляжем авторитаризма? Действительно, «историческая мода» – пример американской и французской революций, про-

изошедших в обществах иного типа, оказала сильное влияние на латиноамериканскую политическую элиту. Однако созданная в бывших испанских колониях «надстройка» отнюдь не противоречила «базису», так как применялась здесь, по крайней мере в большинстве стран с безусловным преобладанием магнатных отношений, в адаптированном к местным реалиям виде (избирательное право, ограниченное высокими имущественным и образовательным цензами) при традиционном отчуждении индейцев от испано-креольской культуры (включая культуру политическую)³⁵. В сочетании с жестким микросоциальным контролем в рамках асьенды это делало республиканскую «демократию» очень удобным инструментом олигархического господства латифундистов, как, впрочем, и диктаторские режимы, нуждавшиеся в поддержке господствующего класса. Латифундисты стали политически «хозяевами» своей округи и совместно, через «представительно-демократические» и/или диктаторские институты власти – своей страны (независимость которой гарантировала их интересы)³⁶.

Таким образом, принятые элементы буржуазного права в основном не противоречили интересам магнатизма. А отмена рабства могла знаменовать переход именно к магнатизму и доминатизму в их различных вариантах.

Это, однако, не означает в данном случае полной гармонии между «базисом» и «надстройкой», ибо последняя, пусть в адаптированном к магнатизму варианте, оставалась все же продуктом определенной революции, имевшей сильный либеральный «заряд». Существование буржуазных по происхождению политических норм и институтов создавало идеологические и формально-юридические предпосылки для последующей либеральной эволюции политико-правовой системы³⁷.

Можно высказать предположение, что для некоторых стран Латинской Америки, прежде всего таких, как Эквадор, Перу, Боливия, XIX в. стал периодом господства особого типа общества, который можно назвать *асьендно-магнатной параформацией*. (Насколько можно понять из публикаций Ю.И. Семенова, его вывод о том, что магнатный и доминатный способы производства не являются формационными, не распространяется на параформации.) В некоторых других странах, где удельный вес буржуазных отношений был выше, картина была, очевидно, более сложной, что позволяет говорить о переходном обществе. Особый случай представляет Коста-Рика, где быстро и последовательно были проведены либеральные реформы и через первоначальное преобладание мелкотоварного уклада страна пошла по капиталистическому пути развития, а концентрация землевладения была уже вторичным по отношению к этому процессу явлением. Свои особенности имело развитие стран, где господствовал плантационно-рабовладельческий уклад, но и здесь, по крайней мере в Бразилии, мы встречаем магнатные и доминатно-магнатные отношения.

По-разному проявлялись политарные тенденции. В первой статье А.В. Гринева отмечены две страны – Парагвай доктора Франсиа (обстоятельно исследованный четверть века назад М.А. Альперовичем³⁸) и Гаити, где в результате деколонизации сформировались политарные общества. Однако политарные отношения и достаточно сильные политарные тенденции присутствовали и в других латиноамериканских странах (за исключением либеральной Коста-Рики). В Боливии и Эквадоре в XIX в. сохранялись остатки политарного уклада, дополнявшего магнатный и магнатно-доминатный. В Боливии индейская подушная подать (*tributo*) была возрождена под названием «индейского вклада» и составляла большую часть государственного бюджета³⁹. До 1857 г. индейское трибuto сохранялось и в Эквадоре, составляя до 35% налоговых поступлений и являясь самым значительным налогом в Сьерре (нагорье). Общественные работы в Эквадоре также выполнялись индейцами, рекрутированными с помощью полиции и получавшими плату по расценкам, произвольно установленным администрацией⁴⁰. Это было по сути прямое продолжение формально отмененной миты.

Политарные тенденции почти во всех латиноамериканских странах были неизбежным следствием гегемонии олигархического государства при неразвитом и элитарном гражданском обществе, при частых военных диктатурах. Однако за исключением

Парагвая ни в одной испаноамериканской стране политаризм (как господствующий уклад) не возродился, ибо этому препятствовали интересы крупных землевладельцев.

Читатель, стремящийся к определенности, задаст вопрос: если Война за независимость – не «феодалная», то, быть может, это «магнатная» революция? Для Гринева характер революции определяется переходом от одной формации/параформации к другой⁴¹. Однако, как уже отмечалось, результатом этой революции могло быть и переходное и даже политарное общество. Представляется (и здесь я опираюсь на высказанные еще в 1960-е годы идеи К.Л. Майданика, хотя и в расширительном их толковании⁴²), что попытки определять характер революции через общественный строй, который становится господствующим после победы, малопродуктивны: в ходе революции идет борьба различных альтернатив, исход этой борьбы не предрешен фатально, и правильное не поиск некоей «цели» революции, а прежде всего определение причин, ее породивших, т.е. того, отрицанием чего она является. Тогда Войну за независимость можно было бы определить как антиколониальную и антиполитарную революцию (сознательно разделяя в этой формулировке колониализм и политаризм), которая, с одной стороны, привела в большинстве стран к укреплению и росту асьендной системы, возникновению в ряде регионов Латинской Америки асьендно-магнатной параформации, а с другой – сняв ограничения на интеграцию в мировой рынок и провозгласив гражданские свободы, создала или расширила возможности буржуазной эволюции этих стран, постоянно подпитываемой включенностью латиноамериканских обществ (чаще отдельных их секторов) в мировую хозяйственную систему, что через относительно короткий исторический промежуток (от нескольких десятилетий до столетия) привело к новым революциям (иногда нескольким их волнам), еще более стимулировавшим процесс капиталистического развития и разложения магнатных отношений.

Стремилась ли российская администрация в Америке обострять отношения с туземцами?

Очевидный субъективизм в толковании позиции оппонента демонстрирует пассаж статьи Гринева в настоящем номере «Этнографического обозрения», где он, касаясь «концепции об особом "гуманизме" (и "прогрессивности") российской колонизации», в качестве примера приводит фразу из моей недавно опубликованной статьи об «общих селениях» на Кадьяке. Читателю достаточно, перелистав несколько страниц журнала, прочитать цитату, приводимую Гриневым в «обличительных» целях, чтобы понять, насколько странно тот избрал себе мишень для критики.

Все же повторю этот текст: «Необходимо заметить, что для русского колониализма в Америке в его "зрелый" период (с начала XIX в.), после того как сопротивление аборигенов на островах было полностью подавлено, было вообще характерно стремление избегать конфликтов с "алеутами" и, не меняя характера эксплуатации, всячески смягчать отношения русских с аборигенами на микросоциальном уровне, придавая им вид партнерства, товарищества»⁴³. Эту фразу Гринева использует как пример следования «концепции об особом "гуманизме" (и "прогрессивности") российской колонизации, весьма популярной в отечественной историографии до настоящего времени» (см. выше его статью в данном номере, с. 82).

Позвольте спросить: где в этой фразе говорится о «гуманизме» или «прогрессивности» или они хотя бы подразумеваются? Критика Гринева здесь представляет собой классический пример подмены тезиса. Между тем я не умалчиваю ни о подавлении сопротивления туземцев как предпосылке описываемого явления, ни о неизменности характера эксплуатации. Стремление же избегать конфликтов с «алеутами» и смягчать отношения русских с аборигенами на микросоциальном уровне, причем на определенном этапе развития российского колониализма, само по себе еще не означает проявления «гуманизма» или «прогрессивности» колонизации.

Характерно, что вслед за этим немедленно следуют осторожные оговорки (ибо Гринев знает материал): «По крайней мере (здесь и далее курсив мой. – А.И.) в начале XIX в. вряд ли можно говорить о «партнерстве» и «товариществе» между русскими и «алеутами». ...Зависимые туземцы являлись фактической собственностью государства (при посредничестве РАК) и у промышленников и приказчиков компании не имелось большой заинтересованности в их благосостоянии и жизни. Лишь начиная с 1820-х годов, уже после значительного сокращения численности зависимых туземцев и упорядочения деятельности РАК, ситуация начала изменяться к лучшему».

Положим, о «партнерстве» и «товариществе» как некоей реальности я и не пишу – Гринев просто утрирует мою позицию: я пишу лишь о *стремлении* колониальной администрации смягчать отношения с аборигенами, «придавая им вид партнерства, товарищества». Если же Гринев уверен в своей позиции только «по крайней мере» применительно к началу XIX в., а с 1820-х годов отмечает некое изменение «ситуации» «к лучшему», то возникает вопрос, не идет ли спор лишь о границах определенного этапа (этапов) колониальной политики? Наконец, Гринев допускает наряду с подстраховкой от недовольства верховной власти лишь один возможный мотив заботы о туземцах – заинтересованность «промышленников и приказчиков компании» в их благосостоянии и жизни. Между тем, если речь не идет о гуманизме (см. выше), то такая заинтересованность должна была иметь субъектом не наемных или полунаемных работников РАК, которыми были промышленники и приказчики, а ее руководство, и эта заинтересованность могла быть лишь некоторым производным от объективных факторов деятельности Компании, причем этих факторов было несколько и мой оппонент совершенно упускает их из виду.

Прежде всего, хотя эксплуатация аборигенов на главном направлении деятельности РАК производилась в политарно-доминатных формах – с организацией и перемещением масс населения, оторванного от родных жилищ и семей, сам промысел морской выдры предполагал относительно высокую степень оперативной автономности непосредственного производителя: он был вооружен огнестрельным оружием, обладал байдаркой – высококлассным средством морского каботажного и речного транспорта – и порой предоставлялся самому себе (чаще в группе сородичей, реже в одиночку). Он мог бежать, мог взбунтоваться, мог изменить. Это не работник с мотыгой под контролем надсмотрщика. Здесь требовалось обеспечить хотя бы минимум лояльности со стороны «алеута».

Во-вторых, есть основания предполагать заинтересованность руководства РАК (особенно в колониях) в единстве колониального общества перед лицом внешней угрозы, будь то восставшие индейцы, пираты или флот иностранной державы. Как известно, русских в колониях было крайне мало, а связь с метрополией слабая, поэтому естественно стремление обеспечить если не активную поддержку⁴⁴, то хотя бы лояльность зависимого населения, поощряя тойонов и проводя некую социальную политику в отношении простых «алеутов», что и было показано мною на примере «общих селений».

В связи с этим характерно, как болезненно реагировал один из видных деятелей колониальной администрации И.А. Кусков, помощник Баранова, на беге его людей, прежде всего «алеутов», вблизи испанской крепости Сан-Франциско в 1808–1809 гг.: из-за этого он был даже вынужден остановить дальнейшее плавание на юг и воздержаться от контактов с испанцами, «не полагая надежды, [что] оставить могу я судно, а при случае и изменческим образом предать могут в руки неприятелей, в тамошних водах крейсирующих»⁴⁵ (здесь и далее сохранена орфография документа. – А.И.).

В-третьих, озабоченность положением туземцев в Русской Америке проявляла верховная власть, причем не только в 1820-е годы, но и много ранее – не позднее второй половины 1780-х годов.

И в самом деле, зачем колониальной администрации идти на обострение, а не на смягчение отношений и на предупреждение конфликтов, если это не противоречит

задачам эксплуатации и в то же время обусловлено столь серьезными обстоятельствами? Монополия РАК позволяла обеспечить необходимую дисциплину и проведение единой политики в отношении аборигенов⁴⁶, по возможности пресекая во имя интересов крупного бизнеса РАК мелкое хищничество ее служащих и рабочих («промышленных»).

Правда, мы имеем красноречивое свидетельство Н.П. Резанова в письме Н.П. Румянцеву от 17 июля 1806 г., которое как будто подтверждает замечание А.В. Гринева о незаинтересованности служащих РАК в сохранении туземцев. Так, отмечая заинтересованность испанских миссионеров в сохранении туземных работников, Резанов пишет: «У нас, напротив того, один предмет бобры, а человечество забыто было. Но таково положение самой Компании, таково внимание правительства и таковы ограничены ее способы. Русские пришельцы состоят из буйных и развратных людей, из полупая на четыре года собою и своими силами жертвующих. Смотрители Компании также – пайщики. Предмет их рухлядь, а не американцы, с которыми по прошествии времени они в век не увидятся и никаким за них отчетом не обязаны». Если б не обуздывающая воля главного правителя колоний А.А. Баранова, считал Резанов, то русские «сорвали б американцам головы и потом и своими поквитались». Он пишет: «Сколько погибло американцев [туземцев], одному Богу известно! Я думаю, что по такой организации Компании на пять бобров верно по человеку положить можно...»⁴⁷.

Однако эмоциональные суждения Резанова (как и сходное сравнение алеутов с бразильскими неграми, принадлежащее его спутнику Лангсдорфу, на которое ссылается Гринев) следует воспринимать несколько критически. Несмотря на интерес плантаторов и монахов, смертность работников была достаточно высокой и в миссиях Калифорнии, и на рабовладельческих плантациях Бразилии. Но если реально смертность туземцев была высока (а это факт), то это не означает сознательного проведения соответствующей политики колониальной администрацией, препятствующей ее снижению. Можно предположить равнодушие к этому вопросу промышленных или приказчиков, но не искушенного Баранова, едва ли заинтересованного в сокращении рабочей силы РАК.

Весьма своеобразно Гринев обходится и с моей немногочисленной (ибо ниже я оговаривался, что эта тема выходит за рамки данной статьи) аргументацией. Приведу мою фразу полностью: «Распоряжения и инструкции, где оговаривались недопущение произвола в отношении подчиненных "алеутов" и забота о них, известны по крайней мере с конца XVIII в. (правда, сам факт этих запретов свидетельствовал, что в повседневной жизни преобладали иные стереотипы поведения)». Гринев берет только конец фразы, согласующийся с его представлениями, а ссылку на документы (заметим, что в моей статье говорилось не только об инструкциях, но и о реальной заботе об «алеутах») просто опускает, парирова ее виртуальное существование следующим выводом: «Стереотипные формулировки официальных инструкций колониальной администрации, требовавшей "ласково" обходиться с подчиненными туземцами, были, – пишет Гринев, – своего рода бюрократическим ритуалом, призванным при необходимости отвести от себя обвинения в злоупотреблениях и обелить свою деятельность в глазах "вышнего начальства"».

Надо сказать, что это весьма остроумная интерпретация, имеющая право на существование в той мере, в какой реальное воплощение благих пожеланий авторов инструкций и других документов остается (или может оставаться) неизвестным, а независимые (не отражающие интересы РАК) и непосредственные свидетельства о повседневной жизни, например, «алеутских» партий пока практически отсутствуют.

Однако и имеющийся материал позволяет усомниться в правоте тезиса о «бюрократическом ритуале». Возьмем, например, как наиболее доступный читателю источник опубликованную инструкцию А.А. Баранова И.А. Кускову от 14 октября 1808 г.

Пунктом 9 этой инструкции Баранов предписывает: «В отряде в сей экспедиции, Вам порученной, обо *всех* (здесь и далее курсив мой. – А.И.) находящихся людях, *русских* (так в документе. – А.И.) и *алеутах*, партию составляющих, иметь всевозможное

человеколюбие и крайнее благопризрение, предупреждая и отдаляя, поколику в силах и есть в возможности, все нужды, недостатки и изнурения, тягостные человечеству. *Особливо же иметь сострадательное попечение о страждущих в немощах болезными припадками, не жалея никаких интересных пожертвований на восстановление здоровья и прежних сил, каковая заботливость при новых замещениях наипаче и наряду с предосторожностью о безопасности должна быть первым вашим предметом»⁴⁸.*

На «бюрократический ритуал» это не похоже. Слишком пространно предписание и, главное, слишком акцентировано значение заботы о больных и слишком четко определен ее относительный приоритет.

Если бы это были чисто ритуальные фразы, за ними не следовало бы весьма конкретное сообщение: «На сей конец и отпущено 10 ведр рома и патоки одна бочка». Более того, эти вещи воспринимались настолько конкретно, что написанное вначале слово «две» (бочки патоки) затем исправлено на «одна»⁴⁹, ибо, в отличие от благих пожеланий и наставлений – за каждую бочку патоки надо было отчитываться (не исключено, что эта правка внесена самим И.А. Кусковым).

При упоминании патоки и особенно рома, да еще в таком количестве, иной читатель может снисходительно улыбнуться. Однако в данном случае нас интересуют не размеры и, так сказать, качество конкретно обозначенной заботы начальства о подчиненных, а сам факт ее конкретности. Хотя при этом не следует забывать, что речь идет лишь о частном дополнении к общей директиве Баранова, а также о том, что алкоголь был и остается эффективным средством снижения напряженности именно на микросоциальном уровне, о котором я писал.

Заметим также, что в инструкции Баранов не разделяет русских и алеутов, упоминая необходимость заботы о тех и других.

Кстати, этот документ – не единственный пример, когда конкретное уточнение в инструкциях, даже, несомненно, рассчитанных на реакцию и «третьей стороны» – представителей власти, ставит под сомнение приведенный выше тезис о «бюрократическом ритуале». Например, в известном наставлении Шелихова главному правителю Самойлову (1786–1787 гг.) после относительно общих фраз об отношении к аманатам и каюрам вдруг следует уж чересчур частное указание: «Шить и мыть каюрам без твоего ведома никому не позволять»⁵⁰. (Между прочим, если согласиться с мнением моего оппонента, то как в таком случае должны были поступать адресаты инструкций, которые самое меньшее оказывались перед необходимостью переключать всю ответственность за положение подведомственных туземцев на себя?) Кажется более вероятным, что даже если в инструкциях где-то и присутствует дискутируемая «ритуальность», то в значительной мере в них вкладывался и реальный смысл: так, в упоминаемом выше пункте наставления Шелихова Самойлову первый озабочен сохранением за своей компанией и оставляемым им на месте администратором контроля над отношениями между русскими промышленниками и каюрами и монополии на эксплуатацию труда последних. Рациональность этого подхода очевидна, как и подхода Баранова к вопросу о здоровье участников экспедиции Кускова.

Примечания

¹ Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1996. № 4. С. 52–64.

² Там же. С. 59.

³ Семенов Ю.И. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека // ЭО. 1992. № 3. С. 38. В одной из своих последних работ Ю.И. Семенов выделяет не менее шести политарных способов производства, возникших в различные исторические эпохи в различных регионах. См.: Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М., 1997. С. 55–58.

⁴ Кроме Востока, Ю.И. Семенов находит его в Римской империи и Византии, в период за-

падноевропейской истории, принятый именовать «поздним феодализмом», в царско-императорской России и, наконец, в так называемых тоталитарных государствах XX в. (Семенов Ю.И. Введение...).

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Гринев А.В. «Колониальный политаризм» в Новом Свете // ЭО. 1996. № 4. С. 59.

⁷ См.: Шемякин Я.Г. Латинская Америка: традиции и современность. М., 1987. С. 94–97.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 432.

⁹ Серов С.Я. Коста-Рика. Очерк истории национального развития // Национальные процессы в странах Центральной Америки. М., 1974.

¹⁰ Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в западном полушарии. СПб., 1992. С. 48, 50.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Там же. С. 60.

¹³ Там же. С. 39–45.

¹⁴ См. подробнее: Семенов Ю.И. Введение... С. 45–50, 55.

¹⁵ Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в Двадцатом веке // Российский этнограф. [Вып.] 20. М., 1973. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 36–37.

¹⁷ Гринев А.В. Указ. раб. С. 55.

¹⁸ Velasco F. La estructura economica de la Real Audiencia de Quito. Notas para su analisis // Ecuador: pasado y presente. Quito, 1975. P. 65.

¹⁹ Иванов Г.И. Энкомьенда в Мексике и восстания индейцев в XVI веке // Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. Т. 35. Иваново, 1964. С. 113, 157.

²⁰ Рамки данной статьи вынуждают оставить в стороне сложную проблему взаимодействия в зоне «высоких» цивилизаций испанского и индейского социальных начал, которое некоторые авторы считают их «синтезом». Например, С.А. Созина пишет о «сложном синтезе элементов разлагавшегося испанского феодализма, привнесенного извне, и самобытных индейских социальных институтов» (История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. М., 1991. С. 83).

²¹ Гринев А.В. Указ. раб. С. 56.

²² В отечественной историографии колониальная история Индонезии сравнительно хорошо изучена в работах А.А. Губера – не в этом ли одна из причин, что он был одним из немногих советских историков, занимавших реалистическую позицию в отношении и Русской Америки.

²³ Гринев А.В. Указ. раб. С. 56.

²⁴ Семенов Ю.И. Типология ранних форм эксплуатации // Народы Азии и Африки. 1985. № 4. С. 65.

²⁵ Три века колониальной Америки. С. 63.

²⁶ Созина С.А. Тупак Амару – великий индейский повстанец. 1738–1781. М., 1979. С. 22–23.

²⁷ Серов С.Я. Проблемы этнической истории кечуа (вторая половина XVI в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 15–23.

²⁸ Иванов Г.И. Репартименты в Мексике в XVI–XVIII вв. // Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. Т. 35. С. 177.

²⁹ Семенов Ю.И. Введение... С. 34.

³⁰ Там же. С. 55, 56.

³¹ Семенов Ю.И. Типология ранних форм... С. 65.

³² Там же. С. 63, 64.

³³ М.С. Альперович уточняет, что эта «незавершенная буржуазная революция протекала в специфических условиях вооруженной борьбы против европейского колониализма». См.: Альперович М.С. Война за независимость испанских колоний // История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. М., 1991. С. 192.

³⁴ Гринев А.В. Указ. раб. С. 57.

³⁵ На примере Эквадора см.: Истомин А.А. Эволюция политической системы Эквадора // Эквадор: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1989. С. 66–67.

³⁶ См.: Серов С.Я. Очерки истории боливийской нации // Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. С. 198.

³⁷ Истомин А.А. Указ. раб. С. 67.

³⁸ Альперович М.С. Революция и диктатура в Парагвае (1810–1840). М., 1975.

³⁹ Серов С.Я. Очерки истории боливийской нации. С. 196.

⁴⁰ Hurtado O. Political Power in Ecuador. Albuquerque, 1980. P. 62, 63.

⁴¹ Гринев А.В. Указ. раб. С. 63, 64.

⁴² К.Л. Майданюком справедливо была высказана мысль, что «ни цели и программа революции, провозглашенные той или иной социальной или политической силой, ни непосредственные результаты ее, ни конкретные проблемы, вокруг которых реально развертывается борьба в ходе ее, ни внешние аспекты

процесса – как бы важны они ни были – не могут, по-видимому, служить сами по себе основой для определения характера революции». К.Л. Майданик отмечал и большие трудности определения характера революции по традиционному критерию – какой класс-«гегемон» ее возглавляет, а в XX в., в силу возросшей альтернативности исторических результатов социальных революций, также и по тому признаку, утверждению какой формации революция открывает дорогу. «В этих условиях жесткое определение настоящего (характер революции) через будущее (возможное, но не "необходимое") с научной точки зрения оказывается, по-видимому, несостоятельным». См.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 274–275. Представляется, однако, что этот вывод можно распространять на все или на большинство революций Нового времени, учитывая в каждом случае только степень реальной вероятности тех или иных их результатов. Во всяком случае, как и в XX в. результат революции мог быть не буржуазно-демократическим или каким-либо иным, а «социалистическим» (в тогдашней терминологии обществоведов-марксистов), т.е. политарным, так и в XIX в. Война за независимость могла привести к утверждению специфической формы политарного общества (Парагвай).

⁴³ *Истомин А.А.* Начало создания «общих селений» на острове Кадьяк в Русской Америке (1839–1842 гг.) // *ЭО.* 1998. № 5. С. 121.

⁴⁴ Крупная партия «алеутов» участвовала в 1804 г. в русском походе против тлинкитов. Их активность в данном случае могла определяться в значительной мере внеэкономическими средствами принуждения или страхом их применения, хотя нельзя исключить и элемент заинтересованности самих кадьякцев в военных действиях против другого аборигенного народа ввиду традиционной привлекательности этого вида мужской деятельности, связанного с захватом военных трофеев или мезью за сородичей, убитых и плененных за два года до этого. Как бы то ни было, характерно, что русская администрация не побоялась их вооружить и сконцентрировать.

⁴⁵ И.А. Кусков – А.А. Баранову. 5 октября 1809 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 204. К. 32. Д. 15. Л. 1–2. Опубликовано с разночтениями: Россия и США: становление отношений. 1765–1815. М., 1980. С. 375–377; Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. М., 1994. С. 201–203.

⁴⁶ *Истомин А.А.* Русско-тлинкитские контакты (XVIII–XIX вв.) // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы идеанистики. М., 1985. С. 149.

⁴⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161. СПб., Главный архив 1–7. Оп. 6. 1802 г., Д. 1. П. 34. Л. 51 об, 56, 56 об.

⁴⁸ Россия и США: становление отношений, 1765–1815. М., 1980. С. 347.

⁴⁹ Цит. по: ОР РГБ. Ф. 204. К. 32. Д. 6. Л. 27–32 об.

⁵⁰ Цит. по: Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках. под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1944. С. 49.

A.A. Istomin. On the «colonial politarism», Latin American «feudalism» and some aspects of the attitude to natives in Russian America

The article provides a critical estimation of the concept «colonial politarism» of A.V. Grinev in general and in its application to the Latin-American material. The idea of «feudal revolution» in Latin America is negated and the system of hacienda is treated as magnatism and not as feudalism. The author postulates a hypothesis about the existence in some regions of Latin America of such socioeconomic paraformations as colonial-mercantile-agropolitarian and hacienda-magnatic.